

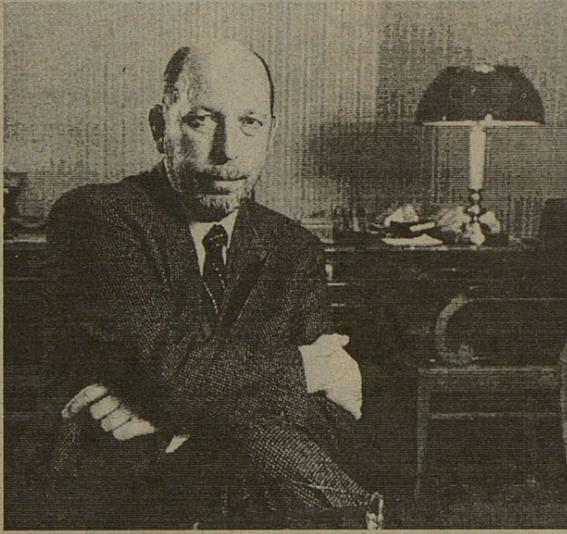
23-29.10.97

Костиков Вячеслав

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

РОССИЯ НА ИСХОДЕ XX ВЕКА

ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ ЧЕРЕЗ НАСТОЯЩЕЕ

Вячеслав Костиков

Беседа главного редактора «Русской мысли» Ирины Иловайской с бывшим пресс-секретарем президента РФ, заместителем генерального директора холдинга «Медиа-Мост», писателем Вячеславом Костиковым

Самое трудное — говорить и писать о близком человеке, более того — о человеке, которого ценишь и любишь. Легко впасть в соблазн комплиментарности, написать портрет святого на фоне благозвучного пейзажа. Но пейзаж нынешней России — это и развалины тоталитарной системы (в том числе и в сердце человеческом), и глубокие овраги между соседями, которые еще совсем недавно были частью казавшегося монолитным СССР.

Нынешний политический пейзаж — это и мятежные регионы, и орды беженцев. Это миллионы русских, оказавшихся в ближнем зарубежье и рассчитывающих на защиту Москвы.

Новый политический пейзаж — это и вопиющий аморализм политиков и депутатов, страшное, вызывающее и смех, и слезы смешение жанров в политическом театре, где первый президент России вынужден был со всем своим могучим темпераментом играть то роль Гамлета, то Ивана Грозного, то Бориса Годунова, то простодушного Иванушку, то (в часы одиночества) судьи над самим собой.

Писать портрет Ельцина на таком фоне было задачей не из легких. Но попытка Ельцина вне этого фона невозможно. Без России, без ее истории и традиций, частью которых является и он сам, невозможно понять ни Ельцина-человека с его силой и его слабостями, ни Ельцина-президента с его мучительными поисками пути в лабиринтах новой политики.

(Из книги «Роман с президентом»)

История «Романа с президентом»

— Вячеслав Васильевич, признаюсь: времени не хватает на то, чтобы прочитать каждую новую книгу о России. А вот от «Романа с президентом» оторваться не могла и успела закончить читать эту книгу до нашего разговора. С удовольствием прочитала. Потому что это — чрезвычайно интересная и живо написанная книга, которая ярко и

подчас безжалостно (в своем реализме) позволяет видеть очередную, до сих пор еще не законченную главу нашей новейшей истории.

Поэтому и хотелось бы начать нашу беседу с разговора о «Романе с президентом».

Насколько я знаю, эта книга имеет достаточно драматическую историю своего выхода в свет. Первый тираж увидел свет где-то полгода назад?..

— Во-первых, спасибо, Ирина Алексеевна, за Ваши теплые слова по поводу книги... А первый тираж и в самом деле вышел полгода назад. В настоящее время уже выходит пятый тираж, в пятый раз делают допечатку. Конечно, выходит она небольшими тиражами — по 10 тысяч экземпляров каждый раз. Но для нынешнего времени в России 50 тысяч экземпляров — тираж неплохой. И, как мне говорят издатель из московского издательства «Вагриус», тираж оказался устойчивым. Значит, какое-то время она еще будет продолжаться достаточно успешно продаваться.

Откровенно говоря, я не ожидал, что книга так хорошо пойдет в России, потому что динамика событий в стране столь велика, что настоящее опрокидывается в прошлое практически мгновенно. Но, видимо, память о тех трех годах, которые описаны в книге, оказалась такой острой, болезненной и поучительной, что людям все еще хочется возвращаться к становлению президентского правления.

— Я думаю, что каждому из нас иногда даже хочется понять, как все это на самом деле происходило! Потому что обо всех событиях, которые вы затрагиваете, рассказали столько всяческих небылиц, что прочитать такой объективный, серьезный, исторический и в то же время человеческий рассказ несомненно захочется. И, как я себе представляю, тираж должен постоянно увеличиваться.

Буквально за несколько дней до злополучной поездки в Германию, отчасти по накопившимся негативным факторам, отчасти интуитивно предчувствуя надвигавшиеся неприятности, я передал Борису Николаевичу личную записку. <...>

Я писал: «...Не следует питать иллюзий, что накопленный президентом демократический капитал будет пожизненным иммунитетом от критики. В прессе все чаще звучат ноты раздражения. Начинает проскальзывать мысль, о том, что имеет место имитация политики, что на самом деле президент с опозданием реагирует на самотек событий и явлений. Имитацией политики называют поездки по стране, многие из которых не несут серьезной политической нагрузки и быстро забываются. Плохо воспринимается, когда отдых преподносится как «рабочая поездка». Негативно оценен ряд мероприятий в Сочи во время Вашего отпуска, когда на фоне грозных событий в Чечне и Абхазии президент участвовал в теннисном турнире «Большая шляпа». <...>

Подмечая эти пока еще фрагментарные факты и оценки, сторонники Ельцина предостерегают, что если негативные стороны «теремной политики» будут усугубляться, то к 1996 году президент может оказаться один на один с объединенной непримиримой оппозицией, которая не простит ему ничего».

Записка была передана Борису Николаевичу 30 августа 1994 года, в день начала визита в Германию. <...>

А потом в течение нескольких недель кряду в прессе был поток негодования, брани, недоумения, стыдливых вопросов и неуместных попыток оправданий — в зависимости от принадлежности газет. <...>

Ближайшее окружение президента очень болезненно восприняло и сам «берлинский инцидент», и реакцию на него за рубежом и внутри страны. Говорили об этом, как о ситуации, хорошо известной болельщикам футбола, когда игрок забивает гол в свои собственные ворота. В данном случае гол в собственные ворота забил капитан команды. <...>

Но ведь, Вячеслав Васильевич, это — книга, которая, несомненно, требовала от писателя большого гражданского и человеческого мужества. Как она появилась на свет?

Писатель Костиков всегда был рядом

— Многие друзья, и моя жена были против того, чтобы я садился за письменный стол. Как вы знаете, выход этой книги стоил мне того, что я был отозван с посла Российской Федерации при Ватикане. И об этом я, конечно, глубоко сожалею.

Думал ли я о том, что в отношении меня будут приняты столь решительные действия? Скорее всего, нет.

Что касается вопроса, почему я все же сел за писательский стол, то, наверное, здесь просто сработал инстинкт писателя. Потому что до того, как я стал пресс-секретарем президента, а теперь работаю в холдинге «Медиа-Мост», где помогаю становлению одной из крупнейших информационных систем в России, — так вот, до всего этого я был писателем. И этот инстинкт, наверное, оказался самым сильным.

Кроме того, можно вспомнить и такую историю. Когда меня пригласил Борис Николаевич занять пост пресс-секретаря, все друзья меня отговаривали. Я был вольным журналистом, вел достаточно независимый образ жизни. Друзья говорили: «Слава,

у меня все еще оставалась возможность информировать Бориса Николаевича посредством еженедельных аналитических обзоров прессы. И я считал своим долгом поставить его в известность о реакции российских СМИ на визит в Германию. <...> Кроме того, на меня оказывалось большое давление извне. Десятки знакомых и незнакомых людей звонили в пресс-службу и спрашивали, проинформировал ли я президента о том, «что говорят о нем» после поездки в Берлин, или я дрожу за кресло. <...>

Заключительную часть я написал сам и никому, кроме первого помощника, не показывал...

— Ты уверен, что хочешь показать это Борису Николаевичу? — спросил В.В.Илюшин, просмотрев обзор.

— Я другого пути не вижу.

— Рискованный ты человек... Снимаю шляпу... <...>

На следующий день президент приехал в Кремль очень рано, около 8 утра. До начала официального рабочего дня он хотел осмотреть свой заново отделанный кабинет и прилегающие помещения для встреч. Обычно я ходил на такие неформальные мероприятия. Пришел и в этот раз.

Впервые за все время совместной работы Борис Николаевич не подал мне при встрече руки. Глядел мрачно, недобро... <...>

К счастью, президент оказался незлопамятным. И сгустившиеся тучи начали развеиваться уже на следующий день.

На 4 сентября, несмотря на воскресенье, было намечено сразу несколько мероприятий. Все впрочем, носило праздничный характер. <...> После бокала-другого шампанского Борис Николаевич, который куда-то торопился, стал со всеми прощаться. Проходя мимо меня, протянул руку. Молча и не глядя в глаза. Раньше всегда глядел и сам очень не любил, когда другие отводят взгляд.

(Из книги «Роман с президентом»)

зачем ты будешь менять вольную жизнь на жесткий хлеб чиновника?»

В моем выборе было два обстоятельства. Во-первых, Россия на глазах преобразовывалась — преобразовывалась в демократическое государство. Со всеми, конечно, сложностями. И мне хотелось принять участие в этом процессе. И по мере сил помочь России.

Во-вторых, сама фигура президента вызвала глубочайший интерес. Это, безусловно, сильная, противоречивая личность, очень русский, я бы сказал, карамазовский характер.

В конце концов я сказал себе: если мне в Кремле будет совсем тягостно, по крайней мере, я напишу книгу. Потому что с такой

близи наблюдать власть и президента до меня еще, пожалуй, никому не приходилось.

Так что некая изначальная установка на книгу присутствовала. Я всегда говорю, что в любых действиях за спиной пресс-секретаря Костикова невидимо стоял еще и писатель Костиков со своим взглядом, с интересом к деталям, к ситуации. Может быть, в силу этого она и получилась достаточно интересной для публики.

Мне было нелегко писать о Борисе Николаевиче. Нелегко еще и оттого, что героический период Ельцина остался позади. Героические портреты Ельцина уже написаны. Предмет этой книги — политические будни президента. А они были жестокими. Конечно, проще всего было бы нарисовать официальный, парадный портрет. Но такая книга была бы недостойна ни самого президента, ни современной истории России. Я старался сделать книгу максимально правдивой. Это важно потому, что впереди Россию еще, видимо, ждут испытания, впереди тернистый путь, и мне хотелось, чтобы строгий рассказ о первом российском президенте и опыте его власти хоть чем-то оказался полезен моему народу.

(Из книги «Роман с президентом»)

Интерес к этой книге продиктован и еще одним обстоятельством. Ведь мы, по сути дела, живем в новой России, в новой исторической реальности. И эта реальность обрушилась на нас так неожиданно — буквально в течение трех-пяти лет, что многие до сих пор не поняли, что же произошло с их жизнью, с их родиной, с нашей историей, со страной. И им хочется осмыслить эти перемены. И я тоже пытался размышлять на эту тему в «Романе с президентом».

Вероятно, это тоже стимулирует интерес к книге.

— С этим выводом трудно не согласиться.

«Свет мой, зеркальце, скажи...»

— Мне не совсем понятно, почему реакция президента на книгу оказалась столь резкой. Вы, как мне кажется, написали чрезвычайно интересную книгу о президенте, об историческом периоде России.

Да, президент — главный герой книги, но герой, скорее, вызывающий симпатию. Книга позволяет нам увидеть в нем чрезвычайно интересную личность. Для Бориса Ельцина в этой книге нет ничего обидного, оскорбительного или унижительного.

В чем же дело — почему та-

кая обида? Это его обида или эта обида шла от его окружения? Как вы думаете?

— Думаю, что это все-таки его личная обида. И связано это, конечно, с характером президента. Он по характеру, как я говорил, человек очень сложный. Масштабный, безусловно. Но, как я говорил, и человек карамазовского характера, отчасти деформированного безграничной властью.

Нельзя не вспомнить совершенно замечательный анализ Александра Исаевича Солженицына, который как-то говорил, что от тоталитаризма к демократии России пошла самым сложным, самым тяжелым путем. И, конечно, на этих российских грязях и хлябях президенту пришлось перенести колоссальное психологическое напряжение.

Это, конечно, не могло не подействовать деформирующе на характер президента. Он очень болезненно воспринимает критику. Я старался показать президента таким, каким он был.

И вот этот образ президента самому президенту, похоже, не понравился. Президент не любит смотреться в зеркало...

Абсолютная власть портит абсолютно

— Но это очень опасно...

К тому же возможности доверительных разговоров с президентом, по мере того как он обрел привычки державности, возникали все реже и реже. Он становился все менее доступным для нормальных и необходимых всякому человеку частных разговоров. <...> Мы болезненно переживали, что в отношениях с Борисом Николаевичем постепенно исчезал демократизм, доступность, доверительность отношений — то есть черты, которые так привлекали в работе с ним в прежние годы. Мы мечтали о том, чтобы, если использовать выражение Е.Гайдара, «вернуть прежнего Ельцина». Из-за отсутствия регулярных встреч помощников с президентом не было возможности осуществлять политическое планирование с учетом всего комплекса государственных проблем. <...> В результате неоднократно случалось, что ближайшие помощники президента и глава Администрации С.А.Филатов узнавали о важных решениях или кадровых назначениях из сообщений телеграфных агентств. Например, тогдашний помощник по экономическим вопросам А.Я.Лившиц узнал о назначении Указом президента нового председателя Госкомимущества Поливанова из телевизионных новостей.

(Из книги «Роман с президентом»)

— Да. Власть всегда портит. А поскольку президентские полномочия при нынешней конституции колоссальны, дают почти аб-

солютную власть, даже больше, чем у последнего государя-императора, — то такая власть, конечно, тоже портит абсолютно.

— **Напрашивается сам по себе вопрос: вы считаете, что в этом плане Конституция должна быть изменена? В нее должны быть внесены какие-то изменения, ограничивающие президентскую власть?**

— Я считаю, что конституцию нельзя менять сейчас — скажем, в ближайшие два-три года или, может быть, пять лет. Потому что это вызовет очередной взрыв напряженности в России, дестабилизацию, потрясающую борьбу интересов между различными властвующими кланами. И это может нанести ущерб России, растоптать те маленькие ростки стабильности, которые возникли.

То есть тактически сейчас к конституции лучше было бы не подступаться. Но в принципе, конечно, если мы хотим быть цивилизованным государством европейского типа, я считаю, какое-то перераспределение власти между правительством, президентом, Думой и Конституционным судом необходимо.

Конечно, России нужна очень сильная центральная власть, нужна сильная фигура президента — это наша традиция и это, видимо, потребность страны...

— ...тем более, что и Россия — это ведь огромная страна!

— ...да, и ее нужно держать в крепких руках. Но мне кажется, что сейчас полномочия президента чрезвычайные...

— ...по крайней мере, эти полномочия больше, чем, например, у президента США.

— Да. И это практически выводит Ельцина из-под контроля обществу. А это плохо.

РПЦ — Ватикан: взгляд бывшего посла на проблемы общения

— Если Вы не против, Вячеслав Васильевич, хотела бы просить коснуться того периода, когда Вы были послом Российской Федерации при Ватикане.

Вы сказали, что сожалеете о том, что этот период быстро закончился, и подчеркнули, что этот период был весьма интересным.

Что вы могли бы рассказать об этом периоде своей работы, своей жизни?

— Знаете, для меня это был очень обогащающий период. Ведь Католическая Церковь накопила огромный политический опыт.

В сегодняшнем мире Церкви, которая ведет за собой миллионы людей, невозможно быть вне политики. Католическая Церковь это поняла давно. А наша, Русская Православная, только начинает осваивать это совершенно новое для нее пространство.

Это различие политического и социального опыта — одна из причин противоречий между ними. Католическая Церковь много веков занимается социальными проблемами, имеет очень устойчивую, глубоко продуманную, разветвленную социальную доктрину. В то же время Русская Православная Церковь была от всего этого оторвана, отодвинута. Особенно это чувствовалось в период советского тоталитаризма...

— ...да и раньше тоже!..

— ...и раньше тоже. Когда ей нельзя было заниматься прак-

Аудиенция у Папы Иоанна-Павла II.

тически ничем, кроме молитвы. И поэтому, может быть, у Православной Церкви такого опыта нет.

Отсюда проистекает некий — на мой взгляд, искусственный — страх Русской Православной Церкви перед тем, что, дескать, вот Ватикан с его огромным политическим опытом, с его умением работать с массами, с людьми, с общественными организациями, с государством — вот он придет и вытеснит Русскую Православную Церковь из привычных ей пределов. Я думаю, что это — ошибочное мнение. Хотя, конечно, можно понять эту точку зрения.

Я не верю, что это опасение испытывает Патриарх. Мне ка-

жется, что наш Патриарх — достаточно мудрый, тонкий, глубокий, высокообразованный человек и понимает эти нюансы. Но Патриарх, как мне кажется, находится под серьезным, очень консервативным влиянием той иерархии, которая досталась России от эпохи тоталитаризма.

Опасения явно преувеличены. Дело в том, что история Русской Православной Церкви и история русской культуры — это настолько единое, неразрывное понятие, настолько Русская Православная Церковь присутствует и в нашем менталитете, и в истории, и в культуре, и в живописи, и в литературе, что я не вижу той силы, которая могла бы разрушить или подвергнуть

С того дня, как к вечеру 7 ноября мне неожиданно позвонил президент и каким-то непривычным, отстраненным голосом, точно бы я вдруг стал чужим, сказал: «Вячеслав Васильевич, как бы вы посмотрели на то, чтобы поработать за границей?», прошло больше полугода, прежде чем я выехал в Италию. Тогда я ответил: «Борис Николаевич, вопрос достаточно сложный, чтобы его решать в два слова и по телефону...» — «Хорошо, я назначаю вам время для встречи». На следующий день первый помощник президента В.В.Илюшин сказал, что встреча назначена на пятницу на 12.00. Я решил, что это мой последний разговор с Борисом Николаевичем.

Однако прощание с президентом оказалось долгим и сложным. Думаю, не только для меня. На фотографии, которую президент подарил мне в день прощания, — простая, лапидарная, как и все, что выходит из-под руки Ельцина, надпись: «Вячеслав Васильевич, спасибо за все!». За этим коротким посвящением стоит многое. И это многое лежит и у меня на сердце и, думаю, на сердце президента. <...>

Последний раз я виделся с президентом незадолго до отъезда. <...> В один из дней мне позвонил Владимир Николаевич Шевченко, шеф службы протокола, старожил кремлевских коридоров, работавший здесь и при Горбачеве. <...>

— Похоже, что у тебя будет еще одна встреча с президентом. <...>

Президент сделал приглашающий жест, и мы оказались за столом: Борис Николаевич, А.В.Козырев, присутствовавший на церемонии вручения верительных грамот, А.Коржаков, М.Барсуков и я. Президент указал мне место напротив себя, подчеркнув тем самым характер церемонии. <...>

Он сказал первый тост — долгий, длинный, тост — воспоминание и размышление, в традициях русских застолий. Разумеется, в нем была и некая формальная часть с учетом ритуала прощания, с неизменным преувеличением достоинств человека, которого провожают. С долей иронического лукавства, зная, что в это никто не поверит, и вместе с тем с привычной президентской убежденностью и пафосом Борис Николаевич говорил о том, на какой важный дипломатический пост меня «выдвигают». Все понимали, что Борис Николаевич устраивает столь любимый им «домашний театр», где главным, и чаще всего, единственным действующим лицом оказывался сам президент.

В этом спектакле был, впрочем, и подтекст, который не замедлил подчеркнуть сам президент, сказав, что не возражает, если факт этого застолья станет известен публике. Видимо, ему хотелось опровергнуть те комментарии прессы, где говорилось, что моей отставке как об опале, которая, возможно, начинается широкую кадровую чистку демократов в президентском окружении — Имейте в виду, Вячеслав Васильевич, — несколько раз повторял президент, — что это не опала. Вы скажите там, что вы с президентом простились нормально... ну, выпили, как положено, понемногу. Пусть пишут...

(Из книги «Роман с президентом»)

Масштаб, динамика и противоречивость событий, пережитых страной за последние несколько лет, таковы, что взвешенную оценку первому президенту сможет дать только история. Мы слишком часто ошибались, относя того или иного правителя к категории гениев или злодеев. Задача этой книги состояла в том, чтобы самому понять человека с фамилией Ельцин и разделить это понимание с читателями. У меня не было ни заведомых приговоров, ни готовых суждений. Была сумма наблюдений с самого близкого расстояния. Я видел, как принимаются важнейшие решения, вокруг которых через день или два, когда они становятся достоянием гласности, разворачивалась такая жестокая борьба, что порой казалось, что Россия заглядывает в страшную бездну гражданской войны.

Разумеется, книга получилась субъективной. Ведь я видел президента с очень близкого, и поэтому в чем-то ограниченного ракурса пресс-секретаря и одного из помощников, проходила мимо меня. Соответственно, от меня была скрыта и часть работы президента. Поэтому я могу претендовать не на портрет Ельцина, а скорее на эскиз к портрету. Но почти за три года, которые я провел с Борисом Николаевичем, мне довелось быть свидетелем и участником стольких событий, страстей, счастливых и горестных минут, что бесстрастно «анализа» у меня просто не могло получиться.

(Из книги «Роман с президентом»)

Специальное приложение

коррозии это единство. Ну, если у нас появится на несколько десятков тысяч больше католиков, я думаю, ничего страшного в этом нет.

Я очень сожалею, что процесс сближения двух крыльев христианской Церкви идет медленно. Мне бы хотелось, чтобы он протекал быстрее. Когда я приехал в Ватикан, то старался способствовать этому процессу, исходя хотя бы просто даже из такого соображения, что приближается 2000-летие христианства. Это такая великая дата в истории цивилизации, что две Церкви могли бы созданным Историей моментом для того, чтобы углубить и наладить отношения между собой.

К сожалению, пока этого не происходит.

— Происходит даже обратное. Известно ведь, что была договоренность о встрече представителей двух Церквей!..

— Да, я мечтал об этой встрече и очень огорчился, когда в последний момент стало ясно, что она не состоится. Я неоднократно разговаривал с Иоанном Павлом II и верю в его искренность, когда он мне неоднократно говорил о том, как ему хочется встретиться, душевно, сердечно поговорить с Алексием II. И я уверен, что если бы эти два

го говорили и продолжают говорить о необходимости разработки и внедрения некой российской "национальной идеи", без которой Россия "не может жить". Помните, этот вопрос некоторое время назад был главной темой и в речах президента Бориса Ельцина. В последнее время он на эту тему высказывается реже. Но, похоже, окончательно от проблемы "идеи" президент все же не отказался.

Считаете ли вы, что это серьезно — необходимость разработки такой идеи в России? Но не могу не задать в этой связи и такой вопрос: а как вы определили бы, что это такое — "русская национальная идея"?

— Скажу сразу: вопрос этот очень противоречивый, и до сих пор по данной проблематике в обществе идут очень жестокие споры.

Вы, конечно, знаете, что примерно полтора года назад президент Ельцин выступил с инициативой разработки такой идеи — современной русской национальной идеи.

После этого была создана рабочая группа. Она работала полтора года, возглавлял ее мой

Вместе с тем я уверен, что нам нужна четкая национальная стратегия с ясно осознанными национальными целями — что нам нужно для того, чтобы народ жил хорошо, что нам нужно для того, чтобы Россия развивалась динамично, чтобы она была защищена, чтобы это было демократическое, процветающее государство.

Я считаю, что никакой национальной идеи нет ни у Англии, ни у Франции, ни у Германии, ни у Соединенных Штатов. Но есть перечень национальных задач, национальных целей.

То есть нам нужна национальная стратегия. Вот ее-то пока и нет. Потому что фальшивые цели и фальшивые стратегии, с которыми мы жили 70 лет, оказались совершенно нежизненными, они рухнули. Новую же стратегию пока еще не выработали.

Власть и народ

— Вы упомянули как о ростках стабильности, так и о "перегретой" атмосфере в России. Тем не менее хотелось бы задать вопрос как бы "мелкого уровня".

Когда я просматриваю российскую прессу, меня нередко охватывает просто почти отчаяние. Создается впечатление, будто все друг с другом грызутся, будто никаких других интересов, мыслей и целей вообще не присутствует.

Конечно, следует делать поправку на то, что многие СМИ хотят больше "поволновать" читателя, чтобы иметь за счет скандального шума большую аудиторию...

— Этот фактор, несомненно, присутствует.

— Но ведь есть и нечто реальное, что позволяет прессе эксплуатировать этот фактор, — реальные ссоры. Кстати, как мне представляется, на том посту, который вы сейчас занимаете, все это ясно, отчетливо видно?

— Знаете, Ирина Алексеевна, со стороны действительно создается впечатление, что вся Россия погружена в бесконечные скандалы и споры. Но это впечатление внешнее и отчасти искусственное. И связано это с тем, что мы часто воспринимаем жизнь власти как жизнь страны. На самом деле это разные вещи. Власть живет своей жизнью, а народ — своей жизнью, со своими заботами и тяготами. По-прежнему люди рождаются, работают, умирают, находят своих любимых, прощаются с близкими... И это — та реальность, которая определяет жизнь народа.

Власти, к сожалению, в последнее время слишком отделились от народа. Вот как мы говорили о дворянах, что "страшно далеки они от народа", то же самое, к сожалению, можно сказать и сейчас — сказать, что власть страшно далека от народа.

Дело не в том, что власть плоха или что она отделилась от народа. Скорее, сознание народа отстает от власти. Народ бессмысленно критиковать, его нельзя ругать, но о нем нужно говорить правду. Возможно, что я ошибаюсь в своих оценках, но разрешите все же высказать суждение. За 70 лет советской власти, когда народ был практически отстранен и от реальной власти, и от демократии, и от правды, он сильно "одичал".

То, что сейчас у нас делается в Государственной Думе, отража-

ет реальное состояние народа: народ находится в разрушенном состоянии.

А вот политическая элита, которая пришла к власти после 1991 года, достаточно серьезно опережает народный менталитет.

Это и хорошо, и плохо. Хорошо — потому что она тянет народ и страну за собой, тянет в направлении цивилизации, культуры. Плохо же то, что народ совершенно не понимает своих правителей, считает, что они чужие, "не свои", свалились откуда-то с другой планеты.

В итоге же между властью и народом нет ни взаимопонимания, ни взаимодействия. Подобное размышление является характерным для нынешней политической ситуации. Власть идет, как кажется, в правильном направлении, но Народ этого направления не понимает. И поэтому каждый шаг вперед буквально приходится делать... — помните, как на картине Репина "Бурлаки на Волге"? Баржу без руля и без ветрил приходится тащить против очень сильного течения.

К счастью, власть все-таки тащит "баржу" России. Медленно, но тащит. А народ — его опять-таки нельзя обвинять в том, что он идет слишком медленно, — он идет той поступью, к которой приучен всей своей историей. Но народ потихонечку приносивается.

Страна потихонечку адаптируется к этой ситуации. И что самое главное — народ понял, что нужно работать, что нет ни благодетеля, ни "дяди", ни чуда, которые придут с манной небесной, с кашей, с хлебами и скажут: "Ешьте!"

Народ понял, что хлеб нужно зарабатывать. Именно это понимание, как мне кажется, и является источником выздоровления власти.

— Вы думаете, что движение вперед проявляется уже сейчас?

— Главное то, что люди не хотят идти назад. Да, они страдают от тягот, они жалуются на них, они все время проявляют недовольство — отчасти в силу того, что все-таки в русском менталитете всегда сильно известное представление: вот придет новый царь и положит на старые лужи чистый асфальт, и мы пойдем с песнями и хоругвями дальше. Это представление все еще есть. Ждут блага не от собственного труда, не от естественной эволюции экономики, для которой сейчас создаются нормальные условия, — опять-таки ждут чуда от действия властей.

Ну что сказать? Не будет такого чуда. Да, может прийти правительство чуть умнее, чуть глупее, может смениться президент. Но сейчас реально ничего от этого не зависит. Наконец-то начинают в стране работать еще слабые, но реальные силы естественной эволюции, при помощи которых, собственно говоря, и выросла вся благополучная, чистая и тихая Европа, которой мы все так завидуем. Но Европа же не зависит от своих правителей?! Она зависит от труда и от экономики...

— ...причем от очень долгого труда...

— ...который длился века. Века!

После Ватикана снова в Москве

— После работы пресс-секретарем президента России, потом послом России при Ва-

Обложка книги.

тикани вы некоторое время работали в качестве одного из руководителей финансовой группы "Московский деловой мир" (МДМ). Теперь у вас новая должность.

И что же представляет собой нынешняя ваша работа здесь, в холдинге "Медиа-Мост"? Кажется ли она вам интересной или это вынужденный выбор? Судя по названию фирмы, она связана со средствами массовой информации. Так ли это?

— Да, вы совершенно правы, "Медиа-Мост" и в самом деле тесно связан со СМИ.

Холдинг "Медиа-Мост" работает в очень сложном "бермудском треугольнике", на стыке культуры, информации, политики. И это предопределяет интерес работы в этом холдинге. Потому что мы каждый день — через телевидение, через выпускаемые нами газеты, через радиовещание — сталкиваемся с миллионами людей.

Интересна эта работа еще и тем, что это первый опыт создания крупной коммерческой структуры в сфере средств массовой информации. До сих пор преобладало мнение, что деньги можно делать в промышленности, в индустрии, в энергетике, в разработке полезных ископаемых, в отраслях промышленности. И мало кто — и в этом отношении Владимир Гусинский (В. Гусинский — генеральный директор холдинговой компании "Медиа-Мост". — Ред.) является пионером — подумал о том, что серьезные деньги можно зарабатывать в сфере информации.

Я недавно читал аналитическую справку и вычитал очень интересную мысль о том, что в начале следующего века в сфере информации и коммуникации будет находиться примерно половина всех мировых капиталов. Это мало еще кто в России понял.

— А что это за СМИ, которые то ли прямо принадлежат холдингу, то ли направляются вами? (Холдинг — компания, владеющая контрольными пакетами акций других компаний. — Ред.)

— Это прежде всего — НТВ, первая и пока единственная крупнейшая коммерческая телекомпания, принадлежащая частным лицам и управляемая по всем правилам свободного предпринимательства.

Кроме того, у холдинга есть ежедневная газета "Сегодня" — популярное издание, рассчитанное на широкого читателя. Есть журнал "Итоги" — серьезный аналитический еженедельник.

Холдинг владеет также очень популярным и доходным изданием, которое известно под названием "7 дней", — на его страни-

Борис Ельцин и Вячеслав Костиков. 1992.

великих человека, два великих пастыря встретились, то, может быть, как это нередко бывает и в политике, когда встречаются два крупных государственных деятеля, они смогли бы о многом договориться, наладить более тесное взаимодействие.

— Но есть ли такой шанс, такая возможность?

— Думаю, что это трудно. Хотя не теряю надежды. Трудности возникают отчасти и из внутренней нестабильности России. Если бы Россия сейчас была более спокойной в политическом плане страной, если бы общественное мнение не было столь перегрето, если бы не было конфронтации между сторонниками движения к демократии и сторонниками возврата назад — а все это очень связано и с нашим менталитетом, и с нашей душой, и, следовательно, с жизнью Церкви, — если бы этого не было, то такая встреча могла бы состояться.

Но слишком мало времени осталось до начала следующего тысячелетия.

Здесь ситуацию может спасти только очень сильная воля лидеров обеих Церквей. Если они эту волю проявят, то встреча может состояться.

Национальная идея: кому и зачем она нужна в России?

— В последние годы в постсоветской России очень мно-

друг Георгий Сатаров — очень умный, тонкий, мыслящий человек. Но тот факт, что реального результата не видно, свидетельствует о том, что попытка создать искусственно, как бы "из пробирки", некую национальную идею — это занятие пустое и бессмысленное.

России нужно осознать свои национальные интересы. А "национальная идея" и "национальные интересы" — это совершенно разные категории. Я думаю, что поиски какого-то "особого пути России", попытка оторвать страну от Запада, с одной стороны, или от Востока, с другой стороны, и представить ее каким-то особым созданием на земле — это идея вредная, опасная. Такая идея отрывает нас от основных потоков цивилизации как на Востоке, так и на Западе. Это невозможно не ощущать особенно на стыке XX и XXI веков, когда в мире все переплетается.

— Спорить не стану, соглашусь.

— Поэтому я думаю, что поиски особой "русской идеи" беспочвенны. И коль скоро в течение многих веков эти споры продолжают и так ни к чему полезному не привели, а привели только к спору и к раздорам между "западниками" и "славянофилами", то я считаю, что подобные поиски совершенно бесперспективны.

— дос- глупо- чело- сы. Но , нахо- ь кон- ой ие- ь Рос- на. ичены. усской исто- то на- ывное усская рисут- тете, и в жи- то я не могла ргнуть

идент и чужим, обра- в Ита- й, что- м вре- В. Илю- то мой

аю, не в день ки Ель- ротким думаю,

<...> В службы ри Гор-

Борис я вери- место

азмыш- яя фор- ием до- авства, ентской важный иколае- и, чаще

одчерк- ья ста- ентари можно, ужении прези- стились

ентом")

цах рассказывается о том, что происходит на рынке культуры и за кулисами культуры и телевидения. Это — яркое, хорошо иллюстрированное издание, которое быстро завоевало рынок.

Кроме того, у нас есть популярная в многомиллионной аудитории и пользующаяся абсолютным доверием слушателей радиостанция «Эхо Москвы».

Сейчас В.Гусинский инициирует движение в сторону кино. Все помнят, какой популярностью кинематограф пользовался в России — народ любит кино. Сейчас российский кинематограф находится в состоянии разлуки. У государства нет денег, и население лишено одного из самых ярких и любимых зрелищ. «Медиа-Мост» готов вложить серьезные средства в возрождение российского кинематографа. Мы готовы принять участие в акционировании крупнейшей отечественной киностудии «Мосфильм», и мы хотим серьезно работать над возрождением кинематографа.

— Но ведь для этого нужны очень большие средства!

— Да, вы правы. Но в этом направлении работы «Медиа-Моста» проявляется социальная направленность деятельности холдинга. Это забота не только о деньгах, но и о будущем русской культуры, о будущем русского зрителя.

— Когда вы говорили о понимании того, что работа в СМИ

может быть источником доходов, во что никто здесь, в России (но, между прочим, и на Западе тоже) не очень верит, у меня возник вопрос: а есть ли при этом какая-то идейная направленность в этой работе холдинга?

В кругу коллег.

— Ее просто не может не быть. Особенно в условиях России. Русский менталитет — это менталитет идеологизированный. Ни русская интеллигенция, ни русский народ никогда не жили и, я думаю, не могут жить без идей, без того, чтобы не думать о собственной душе, о душе народа, о душе страны, о предназначении России. Все эти неистовые, проклятые вопросы, вечные российские вопросы...

Я не знаю, почему так произошло, но исторически так сложилось... Может быть, из-за то-

го, что Россия, с точки зрения природы, — холодная и неуютная страна, и люди много сидят дома и много думают. Кроме того, сама наша история в общем-то трагична, несчастна, и люди просто вынуждены пытаться осмыслить ее, чтобы преодо-

— **Безусловно...**
— И наши российские владельцы участвуют. Вопрос в том — каковы идеалы владельцев, чего они хотят?
Владимир Гусинский, насколько я понимаю, привержен идеалам свободного рынка, демократии, гражданского общества.
— **Просто, думаю, еще много нужно работать.**
— Да, согласен, и много нужно работать. И нужно, чтобы общество стало другим — более умным, более требовательным, скажем, к своим книгам, к своим писателям, к своим журналистам — многие вещи станут попросту непозволительными. Станут непозволительными те публичные обливания грязью, которые мы каждый день видим в российской прессе. Ведь на Западе этого нет? Хотя, как мы знаем, на Западе тоже бывают крупные преступления, там тоже есть и свои жулики, и свои нечистоплотные люди, и свои дурные политики. Но там все это анализируется по-другому, не в такой вызывающей форме, как у нас.

— **Вы употребили совершенно правильное определение — «анализ». Именно этому западные СМИ уделяют, как правило, первостепенное значение. Российский же прессе этого очень не хватает.**

— «Война компроматов», которая сейчас идет в России, очень опасна. Она разрушает систему власти и еще больше — доверие народа к власти. Кстати, эта война уже нанесла ущерб доверительному отношению читателей к газетам. И если она будет продолжаться, это сможет открыть дорогу даже к фашизму. Ибо то, что происходит, очень ослабляет власть. Это убивает народную мораль, и народ перестает верить вообще кому бы то ни было.

Ведь дело в том, что после, скажем, армии и Церкви до последнего времени газеты и журналисты по уровню доверия населения стояли на третьем мес-

те. Это был один из самых демократических институтов, которому население верило. А сейчас, в рамках выплеснувшейся в прессу «войны компроматов», идет страшное размывание этого доверия. Это — очень опасный процесс.

— Совершенно с вами согласна.

— Я много размышлял над этой проблемой. «Война компроматов» ведет к уничтожению власти, к уничтожению морали власти и населения, открывает дорогу к фашизму.

— Вы считаете, что опасность фашизма в России действительно существует? На эту тему ведь тоже идет очень много споров.

— Я считаю, что это очень реальная опасность. И в этом смысле нужно, конечно, сделать все для того, чтобы власть каким-то образом консолидировала себя, нашла возможность сблизиться с населением, получить его поддержку. Иначе при том отстранении, уходе населения от власти, при том непонимании им своих правителей, может «выскочить чертик из табакерки», и эту власть никто на улицу защищать не пойдет.

То есть то, что произошло в августе 1991 года, а потом осенью 1993 года: когда люди верили демократической власти и вышли для ее защиты на улицы, не испугавшись ни танков, ни боевиков, — сейчас этого может не произойти. Если, не дай, Бог, какая-то группа авантюристов устроит путч, люди на улицы защищать эту власть могут не пойти. Это очень тревожная и драматическая констатация.

— Что же, Вячеслав Васильевич, остается полагать в нас за интересные, откровенные размышления, за предоставленное нам право публикации фрагментов из книги «Роман с президентом» и пожелать в Вам успехов и на новом поприще, и, как говорят, на писательской ниве.

— Спасибо и «Русской мысли». И пусть вашей газете сопутствует творческая удача.

— **Научиться управлять цивилизованно**

— Вы перечислили СМИ, которые входят в «Медиа-Мост». Ряд из них весьма впечателен. Что ни говорить, но по сути холдинг является их владельцем, а значит — хозяином.

Как развиваются отношения руководства холдинга со своими СМИ — вы предоставляете им свободу действий или есть какое-то ваше (политическое ли, экономическое ли) влияние на эти издания в плане защиты каких-то определенных интересов холдинга?

— Ирина Алексеевна, давайте будем честными и прагматичными людьми. Давайте просто я этот же вопрос задам и вам: скажем, во Франции, в Англии — разве владельцы не участвуют в определении политики своих газет?

Сегодня, несмотря на победу Ельцина на выборах и получение мандата на второй президентский срок, все чаще приходится слышать мнение о том, что «время Ельцина прошло». И приводят длинный перечень ошибок и просчетов президента. Речи такого рода можно слышать как в левом, так и в правом лагере.

Конечно, рассуждая абстрактно, можно говорить, что да, действительно, было бы не худо, если бы во главе России стоял человек с другим характером, более предсказуемый, менее резкий, умеющий лучше держать себя в руках и контролировать вредные привычки. Человек, меньше ошибающийся в выборе политических друзей и умеющий больше ценить людей не за приятное застолье, а за реальный вклад в политику.

Но идеальных президентов, как и вообще идеальных людей, не бывает. Достаточно прочитать воспоминания о часто идеализированных у нас лидерах — Черчилле, генерале Де Голле, Тито... Рискну сказать, что идеальные претенденты никогда не становятся президентами. Идеального претендента в условиях России неминуемо ждет судьба блаженной памяти Александра Керенского.

Да, погрешности Ельцина велики. Но, как часто бывает, человеческие слабости и даже пороки являются продолжением сильных сторон. Ельцин бывал груб, порывист, резок, нетерпим. Но это оборотная сторона медали. А лицезав — сила, упорство, решительность, способность взять на себя высочайшую, а иногда и греховную ответственность.

К сожалению, Борис Николаевич слишком расточительно относился к собственному авторитету. Похоже, он не вполне осознавал, что человеческая психика

весьма своеобразно соотносит великое и мелкое. Нередко в сознании людей быстро стираются крупные деяния и, напротив, застревают какие-то совершенно нелепые поступки и частные пошарки в поведении. Иными словами, Ельцин нередко играл против Ельцина и забивал желтые голы в свои собственные ворота.

Житейские обстоятельства поселили меня в Риме на Старой Аппиевой дороге (Appia antica) почти на выезде из «вечного города». Это та самая дорога, по которой апостол Петр, бежавший из Рима, где шло массовое избиение христиан, встретил путника и узнал в нем Христа. И спросил его: «Quo vadis Domine?» — «Камо грядеши, Господи?» На месте этой встречи сегодня стоит небольшая церквушка, главной примечательностью которой является пожелтевшая от веков мраморная плита, с отпечатком ступней Христа (так гласит христианская легенда). Церковь называется «Quo vadis». Каждый день по пути на работу я проезжал мимо нее и читал на ее фасаде этот высеченный в камне вечный вопрос: куда идешь?

Что произошло потом, хорошо известно. Петр, устыдившись собственной слабости, вернулся в Рим, где был схвачен и распят, как и Сын Божий, но только головою вниз. (...)

Каждый человек, особенно личность, на том или ином этапе жизни ставится перед выбором: совершить поступок и остаться в истории или рассыпать оставшееся время на многозначительные мелочи. И тогда он задает себе вопрос: «Камо грядеши?»

(Из книги «Роман с президентом»)

Вячеслав Васильевич КОСТИКОВ
(Биографическая справка)

Родился 24 августа 1940 в Москве, русский.

В 1958–1961 обучался в техническом училище, работал токарем.

В 1966 окончил факультет журналистики Московского государственного университета, в 1968 — журналистский курс в Шеффилдском университете (Великобритания), в 1970–1972 — учился в Академии внешней торговли. Владеет английским и французским языками.

С 1966 на журналистской работе. В 1966–1967 — переводчик с английского в Индии, с 1967 — редактор Агентства печати «Новости» (АПН). В 1972–1978 и 1982–1988 — сотрудник отдела информации Секретариата ЮНЕСКО в Париже. В 1978–1982 и 1988–1992 — редактор, политический обозреватель АПН.

Член КПСС с 1967 до августа 1991.

С мая 1992 по май 1995 — пресс-секретарь президента Российской Федерации.

С июля 1995 по октябрь 1996 — посол Российской Федерации при Ватикане и при Мальтийском ордене по совместительству.

С декабря 1996 по май 1997 — президент финансовой промышленной группы «Московский деловой мир» (МДМ).

С июля 1997 и по настоящее время — заместитель генерального директора холдинга «Медиа-Мост» (Москва).

В декабре 1992, вскоре после завершения VII съезда народных депутатов России, между Костиковым и председателем Верховного совета России Русланом Хасбулатовым произошел острый заочный обмен резкими замечаниями. По словам Костикова, Хасбулатов обещал его «выбросить и уничтожить», если он осмелится сказать еще хотя бы слово «против спикера».

В июне 1993 года Вячеслав Костиков опубликовал текст под названием «Регламент гражданского общества (К идеологии новой России)».

В.Костиков известен как сторонник рыночной экономики. Полностью поддерживал политику правительства Егора Гайдара. Свои нынешние взгляды характеризует как либеральные. Наиболее удачным примером государственного устройства считает президентскую республику.

Отдает приоритет правам человека перед правами нации и государства. Убежден, что Россия должна оставаться единым, неделимым государством при широком делегировании экономических и культурных прав регионам. Среди прав автономий выделяет прежде всего право на культурную самобытность. В СНГ видит основу будущего союза государств по типу «Общего рынка».

Член Союза писателей. Публиковался в журналах «Огонек», «Волга», «Дон», газетах «Известия», «Независимая газета», «Совершенно секретно», в различных зарубежных изданиях, вел постоянную рубрику в ведущей индийской газете «Таймс оф Индия».

Автор книги о русской эмиграции «Не будем проклинать изгнание», романов «Наследник» и «Диссонанс Сирина», повестей «Вернисаж» и «Мосты на левый берег» и др. Продолжает заниматься литературной деятельностью. Осенью 1996 завершил работу над публицистическим произведением «Роман с президентом. Записки пресс-секретаря», которая вышла в свет в России весной 1997 и стала событием в общественно-политической жизни страны.

Увлекается столярными работами. Жена — журналист, занимается социологическими проблемами в области массовой информации. Дочь Дарья после окончания факультета журналистики работает на радио.

(Составлено по материалам Национальной службы новостей и «РМ»)

РУССКИЕ КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ В РИМЕ

можно купить в Centro Russia Ecumenica — 30 Vicolo del Farinone (рядом с площадью Св. Петра). Там же продаются книги и журналы на польском и словацком языках.

Подготовил к печати ВАЛЕНТИН ЕЛИСЕЕНКО В публикации использованы фотоснимки из архива семьи Костиковых Обработку фотоматериалов выполнил МИХАИЛ СМЕРНОВ

Москва